

Л. Н. Толстой

**Смерть Ивана Ильича.
Плоды просвещения.
Комедия в 4-х действиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Смерть Ивана Ильича. Плоды просвещения. Комедия в 4-х действиях / Л. Н.
Толстой – М.: Книга по Требованию, 2020. – 205 с.

ISBN 978-5-517-96113-6

ISBN 978-5-517-96113-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.

I.

Въ большомъ зданіи судебныхъ учрежденій, во время перерыва засѣданія по дѣлу Мельвинскихъ, члены и прокуроръ сошлись въ кабинетъ Ивана Егоровича Шебека, и зашелъ разговоръ о знаменитомъ красовскомъ дѣлѣ. Ѳедоръ Васильевичъ разгорячился, доказывая неподсудность, Иванъ Егоровичъ стоялъ на своемъ, Петръ же Ивановичъ, не вступивъ сначала въ споръ, не принималъ въ немъ участія и просматривалъ только-что поданныя Вѣдомости.

— Господа!—сказалъ онъ,—Иванъ Ильичъ-то умеръ.

— Неужели?

— Вотъ, читайте,—сказалъ онъ Ѳедору Васильевичу, подавая ему свѣжій, пахучій еще номеръ.

Въ черномъ ободѣ было напечатано: „Прасковья Ѳедоровна Головина съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ родныхъ и знакомыхъ о кончинѣ возлюбленнаго супруга своего, члена судебной палаты, Ивана Ильича Головина, послѣдовавшей 4-го февраля сего 1882 года. Выносъ тѣла въ пятницу, въ 1 часъ пополудни“.

Иванъ Ильичъ былъ сотоварищъ собравшихся господъ всѣ любили его. Онъ болѣлъ уже нѣсколько недѣль; говорили, что болѣзнь его неизлѣчима. Мѣсто оставалось ни мѣ, но было соображеніе о томъ, что въ случаѣ его смерти Алексѣевъ можетъ быть назначенъ на его мѣсто, — мѣсто же Алексѣева или Винниковъ, или Штабель. Та что, услыхавъ о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждаго изъ господъ, собравшихся въ кабинетѣ, была о томъ какое значеніе можетъ имѣть эта смерть на перемѣщеніи или повышеніи самихъ членовъ, или ихъ знакомыхъ.

„Теперь навѣрно получу мѣсто Штабеля или Винникова, подумалъ Ѳедоръ Васильевичъ. Миѣ это и давно обѣщали, а это повышение составляетъ для меня 800 руб. прибавки кромѣ канцеляріи“.

„Надо будетъ попросить теперь о переводѣ шурина и Калуги, подумалъ Петръ Ивановичъ. Жена будетъ очень рада. Теперь ужъ нельзя будетъ говорить, что я никогда ничего не сдѣлалъ для ея родныхъ“.

— Я такъ и думалъ, что ему не подняться, — вслухъ сказалъ Петръ Ивановичъ. — Жалко!

— Да что у него собственно было?

— Доктора не могли опредѣлить. То-есть опредѣляли, различно. Когда я видѣлъ его послѣдній разъ, миѣ казалось, что онъ поправится.

— А я такъ и не былъ у него съ самыхъ праздниковъ. Все собирался.

— Что у него было состояніе?

— Кажется, что-то очень небольшое у жены. Но что ничтожное.

— Да, надо будетъ поѣхать. Ужасно далеко жили они.

— То-есть отъ васъ далеко. Отъ васъ все далеко.

— Вотъ, не можете мнѣ простить, что я живу за рѣкой, улыбаясь на Шебека, сказалъ Петръ Ивановичъ. И заговорили о дальности городскихъ разстояній, и пошли въ засѣданіе.

Кромѣ вызванныхъ этою смертію въ каждомъ соображеніи о перемѣщеніяхъ и возможныхъ измѣненіяхъ по службѣ, могущихъ послѣдовать отъ этой смерти, самый фактъ смерти близкаго знакомаго вызвалъ во всѣхъ, узнавшихъ про нее, какъ всегда, чувство радости о томъ, что умеръ онъ, а не я.

„Каково! умеръ, а я вотъ нѣтъ“, подумалъ или почувствовалъ каждый. Близкіе же знакомые, такъ называемые друзья Ивана Ильича, при этомъ подумали невольно и о томъ, что теперь имъ надобно исполнить очень скучныя обязанности приличія и поѣхать на панихиду и къ вдовѣ съ визитомъ собогѣзнованія.

Ближе всѣхъ были Ѳедоръ Васильевичъ и Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ былъ товарищемъ по училищу правовѣдѣнія и считалъ себя обязаннымъ Иваномъ Ильичемъ.

Передавъ за обѣдомъ женѣ извѣстіе о смерти Ивана Ильича и соображенія о возможности перевода шурина въ ихъ округъ, Петръ Ивановичъ, не ложась отдыхать, надѣлъ фракъ и поѣхалъ къ Ивану Ильичу.

У подъѣзда квартиры Ивана Ильича стояла карета и два извозчика. Внизу, въ передней, у вѣшалки, прислонена была къ стѣнѣ газетовая крышка гроба съ висточками и начищеннымъ порошкомъ галуномъ. Двѣ дамы въ черномъ снимали шубки. Одна сестра Ивана Ильича, знакомая, другая незнакомая дама. Товарищъ Петра Ивановича, Шварцъ,

сходилъ сверху, и, съ верхней ступени увидавъ входившаго, остановился и подмигнулъ ему, какъ бы говоря: „Глупо распорядился Иванъ Ильичъ; то ли дѣло мы съ вами“.

Лицо Шварца съ англійскими бакенбардами и вся худая фигура во фракѣ имѣла, какъ всегда, изыщную торжественность, и эта торжественность, всегда противорѣчащая характеру игривости Шварца, здѣсь имѣла особенную соль. Такъ подумалъ Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ пропустилъ впередъ себя дамъ и медленно пошелъ за ними на лѣстницу. Шварцъ не сталъ сходить, а остановился наверху. Петръ Ивановичъ понялъ зачѣмъ: онъ, очевидно, хотѣлъ сговориться, гдѣ повинтить нынче. Дамы прошли на лѣстницу къ вдовѣ, а Шварцъ, съ серьезно сложенными, крѣпкими губами и игривымъ взглядомъ, движеніемъ бровей показалъ Петру Ивановичу направо, въ комнату мертвеца.

Петръ Ивановичъ вошелъ, какъ всегда это бываетъ, съ недоумѣніемъ о томъ, что ему тамъ надо будетъ дѣлать. Одно онъ зналъ, что креститься въ этихъ случаяхъ никогда не мѣшаетъ. Насчетъ того, что нужно ли при этомъ и кланяться, онъ не совсѣмъ былъ увѣренъ и потому выбралъ среднее: войдя въ комнату, онъ сталъ креститься и немножко какъ будто кланяться. Насколько ему позволяли движенія рукъ и головы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оглядывалъ комнату. Два молодые человѣка, одинъ гимназистъ, кажется, племянники, крестясь, выходили изъ комнаты. Старушка стояла неподвижно. И дама, съ странно поднятыми бровями, что-то ей говорила шопотомъ. Дьячекъ въ скюртукѣ, бодрый, рѣшительный, читалъ что-то громко съ выраженіемъ, исключаящимъ всякое противорѣчіе; буфетный мужикъ Герасимъ,

пройдя передъ Петромъ Ивановичемъ легкими шагами, что-то посыпалъ по полу. Увидавъ это, Петръ Ивановичъ тотчасъ же почувствовалъ легкій запахъ разлагающагося трупа. Въ послѣднее свое посѣщеніе Ивана Ильича, Петръ Ивановичъ видѣлъ этого мужика въ кабинетѣ; онъ исполнялъ должность сидѣлки, и Иванъ Ильичъ особенно любилъ его. Петръ Ивановичъ все крестился и слегка кланялся по срединному направленію между гробомъ, дьячкомъ и образами на столѣ въ углу. Потомъ, когда это движеніе крещенія рукою показалось ему уже слишкомъ продолжительно, онъ приостановился и сталъ разглядывать мертвеца.

Мертвецъ лежалъ, какъ всегда лежатъ мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченѣвшими членами въ подстилкѣ гроба, съ навсегда согнувшеюся головой на подушкѣ, и выставялъ, какъ всегда выставляютъ мертвецы, свой желтый восковой лобъ съ взлизями на ввалившихся вискахъ и торчащей носъ, какъ бы надавившій на верхнюю губу. Онъ очень перемѣнился, еще похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Ивановичъ не видалъ его, но, какъ у всѣхъ мертвецовъ, лицо его было красивѣе, главное — значительнѣе, чѣмъ оно было у живого. На лицѣ было выраженіе того, что-то, что нужно было сдѣлать, сдѣлано, и сдѣлано правильно. Кромѣ того, въ этомъ выраженіи былъ еще упрекъ или напоминаніе живымъ. Напоминаніе это показалось Петру Ивановичу неумѣстнымъ, или, по крайней мѣрѣ, до него не касающимся. Что-то ему стало неприятно, и потому Петръ Ивановичъ еще разъ послѣшно, перекрестился и, какъ ему показалось, слишкомъ послѣшно несообразно съ приличіями, повернулся и пошелъ къ двери. Шварцъ ждалъ его въ проходной комнатѣ, разставивъ широко ноги и играя

обѣими руками за спиной своимъ цилиндромъ. Одинъ взглядъ на игривую, чистоплотную и элегантную фигуру Шварца освѣжилъ Петра Ивановича, Петръ Ивановичъ понялъ, что онъ, Шварцъ, стоитъ выше этого и не поддается удручающимъ впечатлѣнiямъ. Одинъ видъ его говорилъ: инцидентъ панихиды Ивана Ильича никакъ не можетъ служить достаточнымъ поводомъ для признанiя порядка засѣданiя нарушеннымъ, т. е., что ничто не можетъ помѣшать нынче же вечеромъ шелконуть колодой картъ, распечатывая ее, въ то время, какъ лакей будетъ разставлять четыре необожженные свѣчи; вообще, нѣтъ основанiя предполагать, чтобы инцидентъ этотъ могъ помѣшать намъ провести прiятно и сегодняшнiй вечеръ. Онъ и сказалъ это шопотомъ проходившему Петру Ивановичу, предлагая соединиться на партiю у Федора Васильевича. Но, видно, Петру Ивановичу была не судьба вникать нынче вечеромъ. Прасковья Федоровна, невысокая, жирная женщина, несмотря на всѣ старанiя устроить противное, все-таки расширявшаяся отъ плечъ къ низу, вся въ черномъ, съ покрытой кружевомъ головой и съ такими же странно поднятыми бровями, какъ и та дама, стоявшая противъ гроба, вышла изъ своихъ покоевъ съ другими дамами и, проводивъ ихъ въ дверь мертвеца, сказала: „Сейчасъ будетъ панихида; пройдите“.

Шварцъ, неопредѣленно поклонившись, остановился, очевидно, не принимая и не отклоняя этого предложенiя. Прасковья Федоровна, узнавъ Петра Ивановича, вздохнула, подошла къ нему вплотъ, взяла его за руку и сказала:

— Я знаю, что вы были истиннымъ другомъ Ивана Ильича“ ... и посмотрѣла на него, ожидая отъ него соответствующихъ этимъ словамъ дѣйствиiй. Петръ Ивановичъ зналъ, что

какъ тамъ надо было креститься, такъ здѣсь надо было пожать руку, вздохнуть и сказать: „повѣрьте!“ И онъ такъ и сдѣлалъ. И, сдѣлавъ это, почувствовалъ, что результатъ получился желаемый: что онъ тронуть и она тронута.

— Пойдемте, пока тамъ не началось, мнѣ надо поговорить съ вами,—сказала вдова.—Дайте мнѣ руку.

Петръ Ивановичъ подалъ руку, и они направились во внутреннія комнаты, мимо Шварца, который печально подмигнулъ Петру Ивановичу.

„Вотъ-те и винтъ! Ужъ не взыщите, другого партнера возьмемъ. Нешто въ пятеромъ, когда отдѣляетесь“, сказалъ его игривый взглядъ.

Петръ Ивановичъ вздохнулъ еще глубже и печальнѣе, и Прасковья Ѳедоровна благодарно пожала ему руку. Войдя въ ея обитую розовымъ кретономъ гостиную съ пасмурной лампой, они сѣли у стола: она на диванъ, а Петръ Ивановичъ на разстроившійся пружинами и неправильно подававшійся подъ его сидѣниемъ низенькій пуфъ. Прасковья Ѳедоровна хотѣла предупредить его, чтобы онъ сѣлъ на другой стулъ, но нашла это предупрежденіе несоотвѣтствующимъ своему положенію и раздумала. Садясь на этотъ пуфъ, Петръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ Иванъ Ильичъ устранивалъ эту гостиную и совѣтовался съ нимъ объ этомъ самомъ розовомъ съ зелеными листьями кретононѣ. Садясь на диванъ и проходя мимо стола (вообще вся гостиная была полна вещицъ и мебели), вдова зацѣпилась чернымъ кружевомъ черной мантили за рѣзьбу стола. Петръ Ивановичъ приподнялся, чтобы отцѣпить; и освобожденный подъ нимъ пуфъ сталъ волноваться и подталкивать его. Вдова сама стала отцѣплять свое кружево, и Петръ Ивановичъ опять

сѣлъ, придавивъ бунтовавшійся подъ нимъ пуфъ. Но вдова не все отцѣпила, и Петръ Ивановичъ опять поднялся, и опять пуфъ забунтовалъ и даже щелкнулъ. Когда все это кончилось, она вынула чистый батистовый платокъ и стала плакать. Петра же Ивановича охладилъ эпизодъ съ кружевомъ и борьба съ пуфомъ, и онъ сидѣлъ насупившись. Неловкое это положеніе перервалъ Соколовъ, буфетчикъ Ивана Ильича, съ докладомъ о томъ, что мѣсто на кладбищѣ, то, которое назначила Прасковья Ѳедоровна, будетъ стоить 200 руб. Она перестала плакать и, съ видомъ жертвы взглянула на Петра Ивановича, сказала по-французски, что ей очень тяжело. Петръ Ивановичъ сдѣлалъ молчаливый знакъ, выражавшій несомнѣнную увѣренность въ томъ, что это не можетъ быть иначе

— Курите, пожалуйста,—сказала она великодушнымъ и вмѣстѣ убитымъ голосомъ, и занялась съ Соколовымъ вопросомъ о цѣнѣ мѣста.

Петръ Ивановичъ, закуривая, слышалъ, что она очень обстоятельно разспросила о разныхъ цѣнахъ земли и опредѣлила ту, которую слѣдуетъ взять. Кромѣ того, окончивъ о мѣстѣ, она распорядилась и о пѣвчихъ. Соколовъ ушелъ.

— Я все сама дѣлаю,—сказала она Петру Ивановичу, отодвигая къ одной сторонѣ альбомы, лежавшіе на столѣ; и замѣтивъ, что пепель угрожалъ столу, не мѣшкая, подвинула Петру Ивановичу пепельницу и проговорила:— Я нахожу притворствомъ увѣрять, что я не могу отъ горя заниматься практическими дѣлами. Меня, напротивъ, если можетъ что— не утѣшить... а развлечь, то это заботы о немъ же.

Она опять достала платокъ, какъ бы собираясь плакать,

и вдругъ, какъ бы пересиливая себя, встряхнулась и стала говорить спокойно.

— Однако, у меня дѣло есть къ вамъ.

Петръ Ивановичъ поклонился, не давая расходиться пружинамъ пуфа, тотчасъ же зашевелившихся подъ нимъ.

— Въ послѣдніе дни онъ ужасно страдалъ.

— Очень страдалъ? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Ахъ, ужасно! Послѣдніе, не минуты, а часы, онъ не переставая кричалъ. Трое сутокъ сряду онъ, не переводя голоса, кричалъ. Это было невыносимо. Я не могу понять, какъ я вынесла это; за тремя дверьми слышно было. Ахъ, что я вынесла!

— И неужели онъ былъ въ памяти? — спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да, — прошептала она, — до послѣдней минуты. Онъ простился съ нами за $\frac{1}{4}$ часа до смерти и еще просилъ увести Володю.

Мысль о страданіи чловѣка, котораго онъ зналъ такъ близко, сначала веселымъ мальчикомъ, школьникомъ, потомъ взрослымъ партнеромъ, несмотря на непріятное сознаніе притворства своего и этой женщины, вдругъ ужаснула Петра Ивановича. Онъ увидалъ опять этотъ лобъ, нажимавшій на губу носъ, и ему стало страшно за себя.

„Трое сутокъ ужасныхъ страданій и смерть. Вѣдь это, сейчасъ, всякую минуту можетъ наступить и для меня“, подумалъ онъ, и ему стало на мгновеніе страшно. Но тотчасъ же, онъ самъ не зналъ, какъ ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось съ Иваномъ Ильичемъ, а не съ нимъ, и что съ нимъ этого случиться не должно и не можетъ; что, думая такъ, онъ поддается мрачному настрое-

нію, чего не слѣдуетъ дѣлать, какъ это очевидно было по лицу Шварца. И, сдѣлавъ это разсужденіе, Петръ Ивановичъ успокоился и съ интересомъ сталъ разспрашивать подробности о кончинѣ Ивана Ильича, какъ будто смерть была такое приключеніе, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсѣмъ несвойственно ему.

Послѣ разныхъ разговоровъ о подробностяхъ дѣйствительно ужасныхъ физическихъ страданій, перенесенныхъ Ивановъ Ильичемъ (подробности эти узнавалъ Иванъ Петровичъ только потому, какъ мученія Ивана Ильича дѣйствовали на нервы Прасковьи Ѳедоровны), вдова, очевидно, нашла нужнымъ перейти къ дѣлу.

— Ахъ, Петръ Ивановичъ, какъ тяжело, какъ ужасно тяжело, какъ ужасно тяжело!—и она опять заплакала.

Петръ Ивановичъ вздыхалъ и ждалъ, когда она высморкается. Когда она высморкалась, онъ сказалъ: „Повѣрьте“... и опять она разговорилась и высказала то, что было, очевидно, ея главнымъ дѣломъ къ нему; дѣло это состояло въ вопросахъ о томъ, какъ бы, по случаю смерти мужа, достать денегъ отъ казны. Она сдѣлала видъ, что спрашиваетъ у Петра Ивановича совѣта о пенсіонѣ; но онъ видѣлъ, что она уже знаетъ до мельчайшихъ подробностей и то, чего онъ не зналъ, все то, что можно вытянуть отъ казны по случаю этой смерти; но что ей хотѣлось узнать: нельзя ли какъ-нибудь вытянуть еще побольше денегъ? Петръ Ивановичъ постарался выдумать такое средство, но, подумавъ нѣсколько и изъ приличія побранивъ наше правительство за его скаредность, сказалъ, что, кажется, больше нельзя. Тогда она вздохнула и, очевидно, стала придумывать средство избавиться отъ своего посѣтителя. Онъ понялъ это.